

СТУДИЯ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ИНДУСТРИИ И ЖИВОПИСИ

Под таким названием в Ярославле возникло интересное в художественном отношении и культурном начинание. Организаторами его являются местные художники-педагоги Панков, Матвеев и Башкирцев.

При беседе с ними меня заинтересовала не столько постановка преподавания живописи, сколько другая сторона этой студии—прикладное искусство.

Вопрос о прикладном искусстве, в сущности, больной вопрос в нашей национальной культуре. До сих пор русское прикладное искусство питалось и продолжает питаться немецкими образцами, и выставки, из года в год, настоятельно напоминают нам мюнхенские и нюрнбергские прототипы.

Подушечки, коврики, шитье гла^зью, шерстью, с неизменными "маркизами", подделкой "под восемнадцатый век", вся эта мишура "стильных безделушек" ~~и~~ в конце концов глубоко надоели, завели в тупик безнадежности русское прикладное искусство и, по правде, совершенно перестали удовлетворять даже непривередливые вкусы "эстетствующих" зубных врачей.

Попытки возродить прикладное искусство, влить в него национальную оздоровляющую струю, по существу, ни к чему не привели конкретному и остались лишь, как показатели путей, по которым может ^и идти русская художественная индустрия.

Мастерская ^{ЯГИНИ} кн. Тенишевой и другие начинания подобного рода, а также работа отдельных художников ~~и~~ разбивались о косность, малую культурность и художественную невоспитанность деревенского кустаря и городского мастера прикладного искус-

ства.

Казалось, нужно было поднимать сначала общий культурный уровень русского общества вообще, внушать художественное чувство работникам художественной промышленности, любовь и понимание национальных образцов и, наконец, просто учить их мастерству, уметь работать.

И еще большой вопрос, где больше косности, безвкусица, безличия и подражательной зависимости -- в городе или деревне?

Художественная промышленность и прикладное искусство даже в таких центрах, как Москва, поражала своим низким уровнем мастерства, рабской зависимостью от немецких прототипов и какой-то безнадежной посредственностью, отсутствием свежего и яркого.

Деревенский кустарь, несмотря на его заблуждение работать, подделываясь под городской пошиб, несмотря на его желание сделать вещь, приближающуюся к фабричной, штампованной выделке, несмотря на его презрение как раз к тем сторонам своего мастерства, которые в художественном отношении составляют его достоинство, и несмотря на культивирование тех сторон, которые составляют недостаток фабричного производства, ~~и русский~~ ~~деревенский кустарь~~ все же хранит больше индивидуальности, больше непосредственной, хотя и архаичной художественности, которая держится в его быту, быть может, благодаря его неумелости, косности и верности прадедовским традициям.

Интересны в этом смысле задачи, которые ставит "Союз деятелей прикладного искусства и художественной промышленности" в Москве.

Мне приходилось беседовать и с председателем его Бартрамом

и с видными деятелями союза.

Само собой разумеется, что задачи общекультурного характера, хотя бы и в плане художественном, как перевоспитание вкусов и всего быта русской кустарной промышленности, слишком широки для узкопрофессиональной организации и что энергия должна быть направлена к более конкретным целям.

И вот "Союз" ставит своей непосредственной задачей научить или, вернее, учить работать. В России художественное мастерство вообще не высоко стоит. Работники же прикладного искусства в своем мастерстве оставляют желать много лучшего. Они сплошь и рядом, попросту, не умеют работать, внося бездну безвкусицы. У них нет любви к работе, у них нет умения, а часто и стремления хорошо сделать вещь.

Научить мастерству -- вот задача, намеченная московским "Союзом", и нет сомнения, что подобный путь -- единственно рациональный. Перед умелым мастером открываются все возможности. Бесплодно внушить национальную или какую бы то ни было эстетическую идею человеку, плохо владеющему своим ремеслом -- он не сумеет воплотить их в своем творчестве.

Поэтому-то потребность в школах прикладного искусства, где бы мастер мог прежде всего учиться своему ремеслу, является настоятельной потребностью.

И в развитии подобных школ и мастерских -- судьба русской прикладной художественной промышленности.

У организаторов Ярославской вольной школы и мастерской или, как они ее называют, "студии", мне особенно понравилось, что у них не существует никакой определенной тенденции.

Они не хотят прививать националистические мотивы русскому

прикладному искусству, не хотят вводить его в те или иные художественные русла, ~~и~~ они хотят прежде всего учить мастерству и воспитывать элементарный художественный вкус.

Хорошо сделанная вещь, удовлетворяющая техническим требованиям и эстетическому чувству, — что же большего желать от искусства?

Но "студия", по мысли организаторов, не является только школой обучения, она является также и мастерской, где принимаются заказы на самые разнообразные работы.

Это вскрывает другую ее сторону, имеющую также художественное значение.

В самом деле, нужно, наконец, раз и навсегда сознать, что искусство не только "наслаждение", не только "часы досуга", не только "специальное занятие" художников, но что оно необходимо.

А если так, то искусство должно внедряться всюду, выходить за пределы музеев, разрывать границы, очерченные ему "официальной" эстетикой и украшать повседневный быт.

Необходимо прочно усвоить мысль, что весь наш быт должен быть наполнен произведениями искусства и что эстетическое любование должно находить стимулы всюду, а не только в музейных залах.

Путь прикладного искусства неизмеримо широк.

Если приобретение произведений большого искусства часто не под силу материально, и мы оставляем стены наших комнат пустыми, ибо заполнять их олеографиями ~~и~~ претит нашему эстетическому чутью, ~~и~~ то заполнить их и весь наш обыденный обиход предметами художественной промышленности мы можем по

их доступности.

И насколько, в самом деле, приятней иметь вещь, -- пусть это будет письменная принадлежность вашего стола, или какой-нибудь ларец, или ковер над кроватью, галстук или шляпа, -- если в них чувствуется присутствие художественного чутья и биение творческого пульса.

При даже элементарном техническом и художественном уровне подобная вещь, попросту, приятней штампованной работы фабричного производства.

Ярославцам предстоит возможность иметь у себя самые разнообразные предметы обихода.

Во главе этого дела стоит художник Матвеев (декоратор Ярославского городского театра), близко знакомый с отраслью прикладного искусства, много работавший в этой области в Петрограде и Москве у К.Коровина.

Он хочет применять весьма интересный способ росписи и расцветки тканей.

Самая обыкновенная ткань, расписанная специальными красками, ~~и~~ приобретает художественную ценность, становится уникалом и в то же время ^{не}исключается из практического обихода, наоборот приобретает в нем еще и эстетическое значение.

Н.Т.

"Новый путь", 5 июня (23 мая) 1918 г., № 66.